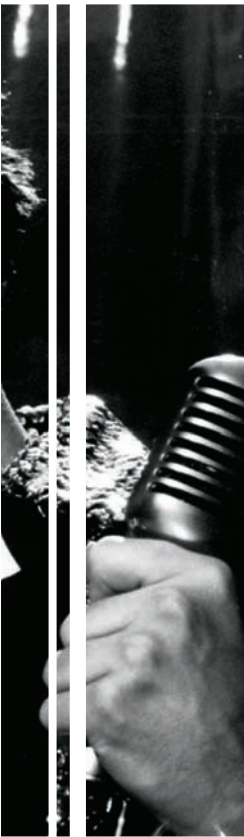

*When my life is over and my time
has run out.
My friends and my loved ones, I'll
leave them no doubt.
But, one thing's for certain, when it
comes my time
I'll leave this old world with a
satisfied mind...*
(Jeff Buckley «Satisfied Mind»)

Jeff
Buckley

Анастасия ГРИЦАЙ

Он был сыном культового американского фолк-джаз-авангардиста Тима Бакли (Tim Buckley). И хотя отца практически не помнил, с детства впитал в себя много хорошей музыки благодаря матери, с которой они были настоящими друзьями.

Джефф Бакли (Jeff Buckley) — музыкант, выросший на классике, джазе, блюзе и фолке. Его мать Мари Гиббер (Mary Guibert), американка французского происхождения, получила академическое музыкальное образование как пианистка и скрипачка — ей было что дать увлеченному звуками мальчику. Уже в пять лет Джефф взял в руки бабушкину гитару, а в девять ему подарили волшебную пластинку под названием «Physical Graffiti» Led Zeppelin, перевернувшую его жизнь.

Что же касается участия отца в судьбе мальчика, то его не было вовсе. Джефф появился на свет в 1966 году. Тогда же у Тима вышла первая пластинка. После этого он ушел из семьи, и больше не возвращался.

«Они будут обвинять меня в воровстве у собственного отца. Уже предвкушают момент, когда я сделаю первый шаг, и они смогут вынести приговор и вывалить на меня весь этот мусор. Я готов к этому... Так вот, единственная вещь, которой я действительно обязан отцу — это мимолетный взгляд! И только».

Джефф был прямолинеен, талантлив и успешен. Имел абсолютный слух и безупречный вкус, следовательно, особое чувство стиля. Он оставил лишь один полноценный альбом, но все-таки вошел в историю современной музыки.

Почти тридцать лет — совсем мало для того, чтобы создать и увековечить свой собственный стиль. Но у Бакли не было больше времени, и он уложился в свою короткую жизнь.

Исполнитель

Джефф Бакли обращал на себя внимание прежде всего особой манерой пения и необычайным диапазоном голоса: пять октав. «В нашей семье, — говорил он в одном из интервью, имея в виду, безусловно, и своего отца, — пение фальцетом можно считать коронным номером. Слышали бы вы, как пел мой дед! Да, у нас хватало голосов высокого регистра...».

Кроме того, он умел оригинально интонировать. Бакли многих слушал и кому-то, естественно, подражал, как Джеймсу Брауну (James Brown), например; наверняка его можно с кем-то сравнивать, но, тем не менее, он ни на кого не похож, абсолютно узнаваем и самостоятелен. Бакли обращался с текстами, как никто до него. Из общепризнанной мелодичности английского языка он извлекал нечто абсолютно новое, растягивая слоги так, как иному вокалисту не пришлось бы в голову, расставляя акценты там, где их делать, на первый

взгляд, нелогично и не принято. Каждая нота была непредсказуема. Гибкий проникновенный голос мгновенно гипнотизировал.

Том Йорк (Thom Yorke), побывав на одном из его концертов, был буквально потрясен. Лидера Radiohead (безусловно неординарного исполнителя) покорила вокал американца. Он и еще один вокалист необычайно музыкальной группы Muse, Мэттью Бэллами (Matthew Bellamy), считают Бакли своим вдохновителем и в некотором роде учителем. И сам легендарный Роберт Плант (Robert Plant) неоднократно признавался в любви к Джеффу Бакли. Статьи, их часто сравнивают.

Поэт, композитор, музыкант

Его выход на большую сцену, как это ни банально, был связан именно с его отцом.

В далеком 1991 в Нью-Йорке был организован концерт памяти Тима Бакли, на который в качестве участника пригласили Джеффа, до тех пор игравшего лишь в крошечных барах. «Это был мой дебют. Решающим стало желание почтить память отца. В свое время меня ведь даже не пригласили на его похороны, — вспоминает Бакли-младший. — Я помню, что на том концерте пел сначала его песню “I Never Asked To Be Your Mountain”. Она о том, как отец бросил нас. В ней есть строка обо мне и о маме. Я помню, как она пела ее. Я любил и ненавидел эту песню, потому и спел. А когда я пел “Once I Was”, лопнула струна, и заканчивать пришлось уже а-капелла. Зал, казалось, умер...».

Конечно, это был фурор. Сын оказался способен засиять не менее яркой звездой, чем отец.

Некоторое время спустя рядом с ним появились музыканты: Мик Грондаль (Mick Grondahl) — бас-гитара, Мэтт Джонсон (Matt Johnson) — барабаны, перкуссия и Майкл Тай (Mickael Tighe) — гитара. С ним и был создан дебютный альбом, ставший настоящим событием начала 90-х. В

нем не было хитов в привычном понимании этого слова. Но пластинка до сих пор считается одной из лучших работ минувшего десятилетия и занимает достойное место в коллекции почти каждого ценителя серьезной музыки. В «Grace» звучат не только песни Бакли. Он позволил себе исполнить предельно интимную «Hallelujah» Леонарда Коэна, например. И никто не возмущился. Потому прекрасная кавер-версия ничуть не умалила достоинств оригинала. То, что Бакли делал с чужими песнями, не поддается здравому анализу, это всегда был очень личный процесс — он пропускал их сквозь себя и делал своими.

Бакли записал «Grace» в начале 1993, а 29 мая 1997 его не стало. За эти неполные пять лет он написал немало песен — это студийные и концертные записи, домашние демо и выступления на радио. Люди, знавшие его, утверждают, что за это время он мог выпустить пять альбомов — но Джефф любил процесс больше, чем результат. Все это время он провел в турах. И постоянно что-то искал...

Новый альбом Бакли должен был выйти в июне 1997 года. Ожидали, что он превзойдет оригинальную версию «Grace». В конце февраля продюсер Том Верлейн (Tom Verlaine) и музыканты встретились в Нью-Йорке. Джефф между тем остался в маленьком арендованном доме где-то в Теннесси, сочиняя новые песни и дорабатывая старые. В его распоряжении было всего четыре дорожки: он напевал вещи под гитару и отправлял группе. В конце апреля Бакли отправился в Мемфис, чтобы подготовить все для последней стадии работы над альбомом, который он хотел назвать «My Sweetheart The Drunk». Музыканты должны были прилететь 29 мая. В тот момент, когда они взлетали, Джефф с другом сел в машину, чтобы прокатиться и полюбоваться закатом; когда группа была на полпути, он решил охладиться и зашел в реку. Когда же группа приземлилась, береговая охрана уже начала спасательную операцию. Они так и не встретились. И песни остались в том виде, в каком оказались после четырех студийных сессий в Нью-Йорке и Мемфисе.

Как бы разозлился Джефф, узнав, что и фактом своей странной гибели он дал повод для очередных сравнений с отцом. Тот тоже ушел из жизни молодым (ему было двадцать восемь), приняв — как говорят, по ошибке — ядерную смесь героина и морфина. Сын не любил наркотиков. Он вообще изо всех сил старался противостоять авторитету отца: его раздражали прямые параллели и навязанные прессой попытки связать его творчество с так называемой «наследственностью». Лучше lilac wine (в его песнях вообще очень много вина), чем кокаин, и Леонард Коэн (Leonard Cohen), чем Тим Бакли. Он хотел быть сам по себе.

В своем последнем телефонном разговоре с матерью Джефф уверенно говорил о том, что все уже готово, что он видит «My Sweetheart The Drunk», но «как бы в черно-белом изображении», так что группе осталось лишь «раскрасить» его. Они не смогли этого сделать вместе. И никто не знает, какими именно Бакли хотел видеть свои песни. Он оставил много записей и пленок: где-то работа была прервана, что-то осталось в нескольких вариантах, а что-то — лишь в черновой версии. Группе трудно было решиться на выпуск альбома без лидера.

В конце концов, мать музыканта рассудила, что в «Sketches For My Sweetheart The Drunk» (а именно словом *sketches* — наброски, англ. — пользовался Джефф, говоря о готовящемся альбоме) войдут записанные за четыре сэта в Нью-Йорке и Мемфисе песни в том виде, в каком, как казалось близким музыканта, он их представлял, плюс кое-какие демо-записи. Но Мари попросила отсрочку. Да и группе надо было прийти в себя после гибели Бакли.

Так в 1998 году появился посмертный «двойник», который условно можно назвать вторым альбомом Джеффа Бакли. Никто не хотел, чтобы диск походил на сборник мемориальных номеров. Для его коллег было важно сделать запись максимально искренней. И им это удалось.

Личность

К счастью, Джефф Бакли не успел стать частью шоу-бизнеса.

«Я пишу музыку не для Sony, а для людей, которые носят по дорогам, включив на полную громкость стерео. И еще — когда-нибудь я напишу музыку, которая никогда не будет продана... Она будет только моей: она настоящее убежище, первопричина всему, что со мной происходит; неиссякаемый, ничем не замутненный источник, наполняющий меня жизнью», — писал Бакли в своем блокноте.

Он из тех, кто дышал музыкой и не представлял для себя иной судьбы.

Его песни попадали в формат **MTV**, но на особых правах, так что он всегда оставался неформальной фигурой. В 1994 году «Grase» звучала на каждом углу, а Бакли между тем играл по клубам. Его любили не только в Америке. Европейцы вообще очень быстро и легко приняли и оценили этого искреннего сладкогогосого американца. А первыми уникальность Бакли провозгласили французы. Его способность точно копировать Эдит Пиаф (Edith Piaf), безусловно, способствовала любви ее соотечественников, возраставшей с каждым днем. Пик взаимоотношений Бакли-младшего и Франции пришелся на 1995 год, когда 6 и 7 июля он дал два концерта в «Олимпии». За несколько дней до выступления он говорил: *«До сих пор не понимаю, почему я столь успешен во Франции. Может потому, что французы любят истории, которые я рассказываю в своих песнях. Ведь это целые романы, ожидающие, когда их тайну раскроют... Возможно, им нравятся поэзия и лиризм некой американской идеи».*

В том же 1995 музыкант получил престижнейшую французскую премию «Gran Prix International Du Disque — Academie Charles CROS-1995», обладателями которой до него становились Леонард Коэн, Боб Дилан (Bob Dylan) и, конечно, Эдит Пиаф.

Позднее, в 2001 году, на основе материала двух парижских концертов Мари Гибэр и гитарист Майкл Тайем создали удивительный альбом «Live a l'Olympia». Туда попали, кстати, «Je n'en Connais Pas la Fin» из репертуара Эдит Пиаф и другая любопытная кавер-версия — «Kashmir» *Led Zeppelin*, исполненная так, как ее запомнил маленький Джефф, слушавший пластинку любимой группы на сорока пяти оборотах вместо положенных тридцати трех.

Ему ничего не пришлось доказывать миру, он просто рассказывал свои истории, и они оказались очень близки самой разной публике — от поклонников прогрессивного, жесткого рока до любителей брит-попа.

«Я хочу, чтобы моя репутация складывалась только из того, как оцениваются мои песни, и чтобы люди приходили на мои концерты не потому, что это модно, а потому, что они хотят меня видеть и слышать. Я настоящий не в журналах, а на сцене — перед залом, один на один с каждым из вас».

